

А. Харитановский

МОЛОЧНЫЙ РЕЙС

*Издательство
«Детская литература»*

А. Харитановский

МОЛОЧНЫЙ РЕЙС

КАМЧАТСКИЕ БЫЛИ

„Детская литература“

МОСКВА - 1966

ОТ АВТОРА

Кто из вас ребята, не любит молоко?.. Любят его и малыши на Крайнем Севере. Вот поэтому морякам дизель-электрохода «Уэлен» было дано необычное задание—перевезти на Чукотку стадо бурёнок. Корабль в Беринговом море попал в сильный шторм, а в Чукотском пробивался сквозь льды. В пути произошли интересные события, о которых вы узнаете из рассказа «Молочный рейс».

Жизнь у ребятишек на Севере суровая. Как-то зимой в камчатском селе Каменском я познакомился с мальчиком. Его звали Охку'рго. Этот десятилетний малыш только что вернулся из тундры. Он потерялся в пургу и целую неделю, пока бушевал ветер, жил один в снежной пещере. Но мальчик ничуть не растерялся и вел себя в беде как настоящий мужчина. Про юного смельчака и написан рассказ «Амто!». По-корякски это значит «Здравствуй!». Остальные рассказы в книге тоже не выдуманы, поэтому и названы — «были».

На Камчатке я прожил десять лет и очень полюбил её. Хочется, чтобы этот необыкновенный край понравился ребята, и вам.

РИСУНКИ

Б. ЛЕБЕДЕВА

МОЛОЧНЫЙ РЕЙС

Ледокольный дизель-электроход «Уэлены» уже бывал на Чукотке, в бухте Певек. Он привозил для горняцкого посёлка готовые дома, буровые машины, фрукты и игрушки. Но на этот раз!..

Капитан озабоченно смотрел на барометр. Давление продолжало падать.

Приоткрылась дверь. И тут же в рубку влетел отчаянный многоголосый рёв. Он прорывался через шум бушующих волн и завывание ветра.

— Товарищ капитан, — вырос в проходе радист. — Последняя сводка. Циклон пошёл на убыль.

Капитан покосился на дверь, поморщился и прикрыл рукой ухо.

— Настоящий концерт,— сказал он.

— Сроки-то вышли, а к ним не подступишься,— тоскливо проговорил радист и, переступая с ноги на ногу, с тревогой заметил: — Как бы не испортились.

— Да,— согласился капитан и решил:— Пойдём посмотрим.

Вышли на палубу.

Корабль, с машиной в 12 тысяч лошадиных сил, кренило так, что мачты чуть не касались волн. Его то зашвыривало на водяные горы, то кидало в бездну.

— Придётся до-о-ить!— прокричал капитан вахтенному.

За рёвом ветра трудно что расслышать, но матрос понял приказ и убежал.

Когда на «Уэлене» узнали, что придётся везти живой «товар», да ещё такой, даже опытные моряки задумались.

— Доставьте,— сказали им,— для жителей Певека стадо дойных коров.

Электроход не рассчитан на подобный груз. Но ведь молоко, прежде всего, нужно детям...

И работа закипела. Строили деревянные загородки, кормушки. Вскоре на палубе, по соседству с мощными лебёдками, якорями, появилась животноводческая ферма.

Прощальный гудок — и судно двинулось из Владивостока в рейс. Миновали Охотское море и вышли в Тихий океан. На север направились вдоль берегов Камчатки.

Сверкнул последний раз маяк на мысе, пустынном и заснеженном, названном будто в насмешку «Африка», и навстречу уже море Беринга катило налитые

полярным холодом волны. Заметались снежные заряды. Мокрый снег тотчас схватывался морозом. Корабль обрастал льдом.

В первые дни рогатые пассажиры вели себя порядочно: не шумели, не предъявляли особых требований — были спокойны. Их кормили и поили. Стремилась всеми силами угодить. Жизнь текла по расписанию и мало чем отличалась от обычной, сухопутной. Только суша сделалась твёрдой и гремющей, да перед глазами всё время бескрайний луг океана.

Теперь этот «луг» стал холмистым от волн, ожил... Коровы, широко раскрыв свои и без того огромные глаза, с недоумением смотрели на пенящиеся по палубе водяные языки. А как только под ногами сделалось совсем неустойчиво, заревели на все голоса.

«М-м-м-у-уу», — низко, как корабельная сирена, начинал один.

«М-м-мм-ы», — подхватывали другие.

Доить коров в шторм трудно. Но и так оставить нельзя: заболеют и перестанут молоко давать. Поэтому-то капитан, несмотря на отчаянную качку, приказал доить.

Первыми на палубе появились девушки — Зина и Валя. Они работали буфетчицами, а в этом рейсе стали главными доярками. Девчата впервые взялись за дойку, но им поручили обучать ещё и экипаж.

Кличек животных никто не знал. Известен был только «Байкал» — племенной бык. Моряки щедро раздавали коровам новые имена.

— Стой, Зорька, стой! Для тебя же лучше, — успокаивал пятнистую холмогорку рослый матрос. Он старался придать нежность своему хриплому голосу.

В это время под выменем Зорьки приспособился его товарищ. Беспорядочная качка не позволяла поставить ведро. Моряк, изгибаясь, как акробат, ёрзал по палубе. Струи молока летели во все стороны и меньше всего в подойник.

— Потерпи, Маша, потерпи,— твердил другой «дояр» своей подопечной.— Вот ужо войдём в лёд. Там спокойнее, не качает...

На следующие сутки и в самом деле услышали с мостика:

— Слева вижу лёд. До кромки семь миль!

Корабль стал разворачиваться носом к торосистому, покрытому снегом полю.

«Как, однако, быстро зима наступила! — наверное, сказала бы не одна из бурёнок, имей она дар речи.— Всего неделю, как жара была».

Чукотское море встретило электроход льдами. Он вошёл в снежно-ледяную кашу, как в трясиину, и застрял. Капитан не уходил из рубки,

— Лево на борт!

— Есть лево на борт.

Приказание рулевым выполнено, но стрелка компаса неподвижна.

— Право на борт!..

Постепенно корабль раскачали. Между его корпусом и льдом появились зазоры. Ещё усилие машин — и судно высвободилось из ледяных клещей. Так и шли: в час по миле.

Перемена климата на коровах мало отразилась. Они по-прежнему исправно давали молоко.

Молоко! Его стало так много, что и девать некуда!

— Уж заодно бы маслодельный завод прихватить,— шутили моряки.

— Какой большой корранг!—сказал малыш.

Всю продукцию пришлось перерабатывать на камбузе. Повара сбились с ног. Они впрок заготавливали сметану, творог, кефир и мороженое, варили молочные супы и кисели, изобретали фантастические блюда.

Штурманы ежедневно обсуждали, помимо навигаторских дел, и такие важные вопросы: каково здоровье коров, как бык Байкал перенёс качку и, конечно, куда девать сегодняшний удой.

— Вот вам молочные реки и кисельные берега,— буркнул капитан под конец одного такого заседания.

Стадо берегли, чистили. У матросов появились любимцы. Их подкармливали ломтями хлеба, густо сдобренными солью.

...За островом Врангеля открылось Восточно-Сибирское море. Лёд стал толще, монолитнее. Кораблю приходилось его пробивать с разбегу.

Удар! Но электроход не расколол льдину, а залез на неё носом и завис.

На полную мощь работает винт. Струя от него образовала за кормой целое озеро. Но корабль недвижим.

— Взорвать лёд! — приказал капитан.

В воздух, выше мачт, полетели сверкающие осколки, снег. После каждого взрыва возле судна появлялись трещины...

В этот же день открылась и бухта Певек. Впереди, возле подножия сопки, в тумане повис посёлок. Оттуда навстречу судну, по береговому припаю, на нартах и пешком, спешили люди.

Сбросили трап. Взрослые и ребята стали забираться на корабль. Один малыш чукча, похожий в своём пушистом ке'ркере¹ на шар, с ужасом уставил-

¹ Ке'ркер — меховой комбинезончик для малышей.

ся на моряка, который чесал лоб рогатому страшилищу.

— Какой большой корранг! — сказал малыш.

Корранг по-чукотски — олень.

Моряки пригласили гостей в столовую и всем налили парного молока. Тут же оказался и маленький чукча. Вокруг рта у него появились белые пенные усы. В глазах уже не страх, а восхищение: «Вкусное молоко, даже лучше сгущёнки!..»

Коров перенесли лебёдками с палубы на лёд. Склонив головы, они неторопливо двинулись к земле.

Рядом бежали, суетились ребяташки. Самые храбрые даже пытались погладить «коррангов». Коровы не сердились: они ведь и приехали на чукотский берег ради этих малышей.

БЕЗ КАМЧАТСКОГО ПАСПОРТА

В областном музее раздался телефонный звонок.

— Живая... Понимаете,— торопился в трубке взволнованный мальчишеский голос,— зелёная, крупная...

— Прыгает?

— Конечно. Да ещё как! Я её не пускаю.

И начались торопливые вопросы: кто нашёл, где, фамилия, адрес...

Через несколько минут голубое такси мчалось по направлению к Красной сопке, расположенной на перевале из северной части Петропавловска в южную.

Место происшествия искать не пришлось — люди, перегородив панель, образовали плотное кольцо.

Работники музея — большеглазая хрупкая девушка и художник-препаратор с длинным худым лицом, — решительно раздвигая толпу, устремились в середину.

Там стоял на коленях мальчишка лет десяти. Он, полусогнувшись, держал на изготовку кепку, словно нацеливаясь. Увидев работников музея, доверительно зашептал:

— Убегала уже... Вы с ней поосторожнее...

— Да, да, — подтвердил высокий мужчина в шляпе. — Я свидетель. Сам помогал ловить.

— Мы её нашли вон там, возле дороги. Хотела в сопки уйти, — захлебываясь, рассказывал парнишка. — Едва догнали. Ка-ак прыгнет!

Перед ним, испуганно прижавшись к асфальту и тяжело дыша, сидела... обыкновенная лягушка. То есть не обыкновенная. Лягушка, как тигр или, скажем, слон, — существо совершенно удивительное для Камчатки. На полуострове земноводные не водятся. Здесь нет ни змей, ни ящериц, ни лягушек. Змеи, они, скажем, и ни к чему — жалятся. Но лягушки! Пусть бы квакали да комаров ловили. Но молчаливы болотистые тундры Камчатки..»

И вот пожалуйста!

Научная сотрудница посмотрела на редкую находку через лупу. Официально заявила:

— Да, это лягушка.

Впрочем, сомнений на этот счёт ни у кого и не было.

— Очень благодарим... — продолжала она.

Лягушка укутана в газету и передана художнику. Тот осторожно, на вытянутых руках, понёс кулёк впереди себя.

Подошли к автобусной остановке. Первый автобус пропустили — переполненный. А во второй, когда художник предупредительно крикнул: «Осторожно, лягушка!» — им не разрешили войти. Провоз лягушек в общественном транспорте, оказывается, не предусмотрен. Так и сказала кондукторша.

Пришлось искать такси.

Наконец лягушка в музее. Она тихо сидит в пустом аквариуме, приготовленном для благородных камчатских лососей, и озирается.

— Почему не кричит? — пожала плечами девушка.

— Голос с испугу потеряла, — пошутил художник и тут же подбодрил лягушку линейкой.

Та неохотно квакнула. Получилось вроде «здрасьте».

— Вот так-то вежливей, — усмехнулся преподаватель.

Но это замечание девушка оставила без внимания. Молчала и её коллега, пожилая научная сотрудница. Она решала трудную задачу: на какой стеллаж установить это чудо природы. Подумав, стала рассуждать вслух:

— К рыбам — неправильно. К птицам совсем не подходит, к млекопитающим тоже. Нас не поймут посетители. Мы их будем дезориентировать. Подумают, что на Камчатке водятся лягушки.

— Но ведь данный случай и есть подтверждение... — начала молодая сотрудница.

— Что ты, милая, — перебила её старшая. — Откуда здесь быть земноводным? Вы же сами хорошо знаете, изучали...

— Тогда пусть лягушка будет нетипичным образцом природы для полуострова. Так и написать под ней.

— Но зачем же нетипичное? — подняла плечи старшая сотрудница. — Я же говорю, что это дезориенти-ровка. А мы — научное учреждение... Её надо унести, — спокойно сказала она художнику и, наклонясь, добавила ещё несколько слов полусёпотом.

Девушка встрепелулась и, умоляюще глянув на художника, отвернулась к окну. Тот, захватив лягушку, вышел.

Дня через два-три молодая сотрудница, просматривая местную газету, радостно воскликнула:

— Снова лягушка! Смотрите...

Под заголовком «Удивительная путешественница» сообщалось, что у подножия Никольской сопки, возле городского парка, поймана лягушка... В научно-исследовательском институте доктор биологических наук подтвердил, что это обыкновенная лягушка и, вероятно, завозная. Доктор наук вспомнил, что несколько лет назад на Камчатку заехал на корабле даже змей-полоз. Лягушка, наверное, прибыла тоже на корабле, например, с яблоками из Приморья. Они только что появились в магазинах. Самостоятельно переплыть Охотское и Японское моря она не могла. Такие лягушечьи вояжи нигде не описаны.

— Ну вот видите, ещё одна, — оживлённо затараторила девушка.

Старшая ничего не ответила, а только в упор посмотрела на художника-препаратора.

— Вы её уничтожили?

— Кого? — снаивничал тот.

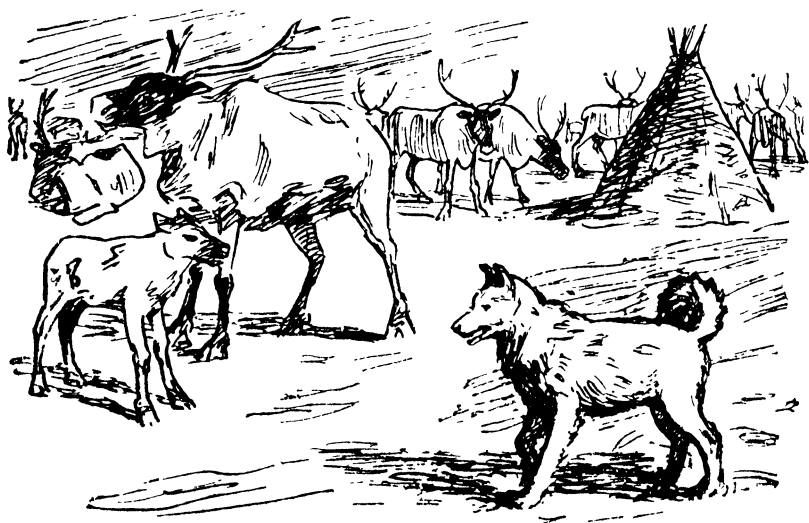
— Ля-гуш-ку, — чётко выговорила сотрудница. — Как я вам сказала.

Разговор перебил телефонный звонок.

— Говорят из редакции, — слышалось в труб-

ке.— Нам бы хотелось подарить музею лягушку. Она у нас в отделе информации. Приходите. И хорошо бы, вы написали нам...

— Поезжайте и заберите злосчастную,— приказала старшая девушке и развела руками,— Раз уж вокруг неё общественное мнение...

КАК ИПОЛЮКЕН СТАЛ ВЗРОСЛЫМ

Пурга была на исходе. Снеговые волны — за-
струги — уже застыли. Только над самыми высокими
чуть вихрилась позёмка. Пурга, наверное, была по-
следней.

Шёл май. Солнце не покидало небо. Кусты кедро-
вого стланика, чуя тепло, весну, зашевелились, проби-
вая иглами снеговой полог.

Возле такого зелёного островка корка наста при-
поднялась, треснула... Но вместо хвои оттуда показа-
лась остроносая головка, лапы... И вот весь он, белый
пушистый комок, сбивает с себя снежную пыль.
Отряхнувшись, остался таким же белоснежным, и

если бы не три чёрные точки: нос и глаза — не заметишь. Малыш огляделся и отчаянно заскулил, тоскливо опущенный хвостик вздрагивал, широко расставленные лапы искали опоры, но какая же опора — рыхлый снег?

Бороздя наст полуголым животом, пополз к солнцу. Полз и скулил. Вдруг писклявые звуки застыли в горле. Уши насторожились, корпус вытянулся — ему послышался скрипящий звук полозьев. Оглянулся. Приближалась цепочка собак.

Нарта!.. Вчера в пургу он выпал из такой же и потерялся в бушующей тундре... Малыш завизжал ещё громче, энергично заработал лапами. Он знал, что нарта — это хозяин, который накормит, это его четвероногие сородичи. Нарта — это жизнь!

— Кокумэ'й! Смотри-ка! — удивился чукча и, воткнув в снег остол — палку с железным наконечником, притормозил упряжку. — Ипполю'кен — маленький, — покачал он головой и сунул живую находку за пазуху.

Так у щенка оказался новый хозяин, Кимана'ху, пастух оленьего стада из колхоза «Тумгуту'м», что значит «Товарищ».

Бригада Киманаху пасла оленей в долине реки Апуки. Щенок, которого так и называли Ипполюкен, находил эту речку замечательной. В ней много рыбы. А рыбу Ипполюкен любил. Зимой его, как и всех собак по северному обычаю, кормили один раз в день юколой — вяленой рыбой. Не очень уж сытно. Но летом в реку из Берингова моря двинулась на нерест жирная горбуша. Её было видимо-невидимо. Рыбины ворочались, высовывали горбатые спины и большие скользкие морды, обдирались до крови о камни. Шли и шли к заветным родничкам, чтобы выметать икру.

Топтыгин поднялся на дыбы, рыкнул и кинулся на пса.

В этот живой серебристо-серый поток, похожий на расплавленное олово, из которого его хозяин отливал жаканы — круглые пули на волков и медведей, — было так же страшно попасть, как и отведать настоящего горячего олова. Но Ипполукен наловчился хватывать лососей прямо с берега.

На летних кормах пёс быстро подрос и к осени уже помогал пастуху. Оленей в стаде больше тысячи. Их надо перегонять на сытные ягельники, а то к морю — попоить солёной водой, охранять от волков и другого зверья. И всему этому Ипполукена учили, старались сделать из него настоящую оленегонную лайку.

Однажды, во время перегона стада, напарник Киманаху заболел. Пришлось наладить нарту и везти его в бригадный стан. За главного в стаде остался Ипполукен.

...Тихо. Высоко в небе светила круглая луна. Пёс лежал возле наглухо закрытой меховой палатки и дремал. Но уши чутко прислушивались к дыханию спящих оленей. Внезапно он уловил какой-то шорох. Насторожился, вскочил и без лая побежал по краю стада.

Забеспокоились и олени. Они поднялись, стали сбиваться в кучу. В морозном воздухе послышался треск: животные сталкивались рогами. Минута — и стадо рванулось лавиной.

Ипполукен бросился наперерез. И... нос к носу столкнулся со взъерошенной тушей: лобастая голова с маленькими ушами, обвисший зад и тощие, впалые бока. Медведь!..

«Гав-гав-гау-у-у!» — залился Ипполукен и, боясь приблизиться, принялся яростно скрести снег.

Топтыгин поднялся на дыбы, рывнул и кинулся на пса. Тот отпрыгнул. Зверь обернулся, размахнулся

лапой — мимо. Собака проскочила под животом. Освирепев, она неожиданно для самой себя цапнула гостя за «штаны» — за ляжки, заросшие длинной свалывшейся шерстью. Ещё набег медведя — и опять промах. Ипполукен, увернувшись, повис сзади.

Мишка крутился, как в колесе, но не мог поспеть за ловким псом. А тот с каждой атакой делался всё смелее и, наседая, хватал медведя за ноги, за бока...

От боли и злости Топтыгин ревел, кувыркался и, наконец почувствовав своё бессилие перед маленьким бесстрашным сторожем, задумал удрать. Припустился было, но Ипполукен славно умел завёртывать даже быстроногих оленей, а с этим неповоротливым дураком, каким ему теперь казался медведь, было куда проще. Беспрестанно хватая врага, собака заставила его топтаться на одном месте.

Неподалёку рос островок кедрового стланика. Искривлённые кусты кедрача растеклись по снегу тёмно-зелёными щупальцами. Медведь разглядел — и туда. Вырвал куст побольше и, подхватив его, двинулся опять в наступление. Разъярённый, машется, а по собаке попасть не может. Лупит изо всех сил, только иглы летят. Снег от хвои позеленел. Злится Топтыгин, а собака хоть и осипла от лая, но прыгает, изворачивается да ещё ухитряется зубами рвануть.

Понимает зверь — дело плохо: не отбиться от пса, не убежать. Устал, язык чуть не на полметра высунулся. Спасение всё же нашёл: заскочил в глубь хвойного пятачка. Рассуждает: если сюда лайка забежит, сразу придушу, тут-то ей развернуться негде.

Ипполукен и сам не глуп, хитрость разгадал. В стланик не лезет, носится возле — и всё тут.

Только медведь сунется выскочить, лайка сразу тут — и хватать за «штаны». Зверь — прятаться. Лежит в стланике, глаз с собаки не сводит, а та чуть поодаль,

на снегу, и тоже глядит. Следят друг за другом. Медведь голову поднимет — Ипполукен: «р-ррр», дескать, я тут, жду. Топтыгин снова в кусты...

Утром на перевале показалась чёрная точка. Ипполукен обрадовался — это возвращался хозяин. Собака принялась бегать вокруг кедрача.

Слышит Киманаху, что пёс всюду заливается. «Какого-то зверя загнал, — думает. — Лису, наверное».

— Хоть! Хоть! Вперёд, вперёд! — подгоняет упряжку и на ходу снимает винчестер.

Из стланика высунулась лохматая голова.

«Медведь! — поразился Киманаху. — Медведь-шатун. Кто может быть хуже — голодный, свирепый?! Осенью, видать, плохо откормился. Как ни соси лапу, а кожь жир под кожей исчез — не улежишь в берлоге... Сколько бы оленей загубил...»

Киманаху, придерживав упряжку, выстрелил.

Когда со зверя сняли шкуру, то оказалась она сзади словно дробью избита. Так Ипполукен зубами разделал.

Редко пастух ласкал лайку — не принято такое баловство на Севере. А тут не выдержал, прижал умную голову собаки к своей узорчато расшитой кухлянке и потрепал за ушами.

Почаевали, и Ипполукен повёл хозяина по следам испуганного стада. Бежит впереди, каждый кустик проверяет: вдруг и там звериная засада.

Оленей догнали у истоков Апуки, у сопки, под названием «Щека».

Вот так за одну ночь Ипполукен стал взрослым.

СЛУЧАЙ НА ВУЛКАНЕ

Наш отряд направлялся к подножию Авачинского вулкана. Ехали на вездеходе. Машину непрерывно дёргало. Мы чуть не пробивали своими головами брезентовую крышу, кучей валились то влево, то вправо. Чувствовали себя точно в консервной банке.

Среди грохочущего шума до ушей донеслись какие-то совсем непонятные звуки, похожие и на писк и на свист. Мы недоумевающе переглянулись.

Один из вулканологов покосился глазами в угол машины, где с позеленевшим лицом, склонив голову, сидел средних лет мужчина — не он ли озорует. Это был литератор. Ему захотелось побывать на вулкане,

испытать, как он выразился, романтику на своей шкуре.

Доехали до лагеря. Надели тяжёлые зубастые ботинки — трикони, обвязали потуже снизу брюки, чтобы не попадал шлак. И двинулись вверх.

Дорога, точнее, тропинка была нами уже не раз испробована. Шли по ней привычно, как в городах ходят на близкую службу. Только наша «контора» — дымящийся кратер вулкана — находилась на высоте трёх километров и была отделена от долины ущельями, осыпями и сверкающим поясом ледника.

Иногда клубы неприятно пахнувших и едких газов скатывались прямо на нас. Тогда мы плюхались в снег и, захлёбываясь, набирали его в рот, чтобы смочить горло.

Миновали ледник. Крутизна склонов дошла до тридцати градусов. Нам ничего — привычно. Но вот литератор... Он с трудом плёлся в самом хвосте. Приходилось часто останавливаться и поджидать. Мы пропустили его вперёд и, опасаясь, что он свалится, стали поддерживать в спину ледорубами.

Но что это? Раздались те же странные трели. Доносились они снова со стороны литератора.

Ну конечно, это он. Как свистнет, так оглянется...

«Вот чёртов малый, — подумалось, — идти не может, а туда же, шуточки».

В полдень добрались к кратеру, к самому краю бездны. Передохнули, закусили и начали вынимать из футляров приборы.

И вдруг, совсем рядом, прямо под ногами... мышь!

Земля обожжена жаром, отравлена ядовитыми газами... И мышь! Глядит глазами-бусинками и не бежит никуда, словно поджидает нас.

— Экая дурёха. Как же ты сюда попала? — ласково проговорил литератор.

А верно, как?..

Пройти от подножия через трещины и ледники невозможно. Да и зачем мышонку такой подвиг?

— Может быть, для организма соли особые понадобились,— сообразил кто-то.— Лечиться пришла.

— Откуда ей знать, что такие соли на вершине вулкана?

— Инстинкт!

— Тепло искала, вот и лезла сюда,— предположил другой.

— Тепло?! Через ледники-то?..

Задала мышь задачу!

Когда мы собрались обратно, то оставили грызуну хлеба да кусок колбасы. Пусть жуёт...

Внизу снова разговорились — с чего это мышь в альпинизм ударилась? Да так и не додумались.

Вернулись на базу. Стали разбирать рюкзаки. Литератор, возвращая мешок, заметил:

— А вы мне рюкзак-то того, дырявый дали.

— Дырявый?! На складе получали, совсем новый.

— Да вот, смотрите,— и показывает на небольшую дырку.

— Так это же...— догадался кто-то.

Все, перебивая друг друга, воскликнули:

— Мышь! Наша мышь,— и, глядя на литератора, расхохотались.

А тот только глазами хлопает: «Чего же тут смешного?» Пришлось рассказать ему о подозрениях и... покаяться.

— Я и сам оглядывался, спросить собирался. Думал, вы свистите.

Всё стало на место. Мышь прогрызла рюкзак ещё па базе, чтобы полакомиться. А сбежать не успела. Так и оказалась на загорбке у литератора невольным пассажиром.

Через неделю мы опять пришли на вулкан. Мышь была на месте, возле нашей палатки. Покормили её и впрок оставили.

Так продолжалось всё лето. Но вот стукнули заморозки. Кратер опоясала снежная полоса. Совсем неуютно стало на сверкающем острие вулкана. И всё же мы решили сделать туда внеочередной рейс. Дело нашлось у каждого, и это было убедительно изложено старшему научному руководителю. Поход разрешили.

Мышь нас встретила как всегда. Поймали её, сушили в рюкзаке — и в обратный путь. Спустились к подножию вулкана, подержали подопечную в ладонях поочерёдно и выпустили на пахнущую кедром землю. Поднялась она на задние лапки, крутнулась — только её и видели...

Такая уж порода неблагодарная!

КУРИЦА С СЕКРЕТОМ

Кто не знает сказки об умной курице, снёсшей старику со старухой золотое яичко! Но то сказка, а я расскажу быль.

В камчатском селе Старица у рыбака дяди Сергея жила-была Пеструшка. Я сказал «была» и не оговорился. Дело в том, что Пеструшкин секрет обнаружился лишь тогда, когда её закололи для супа.

Потрошит курочку Анна Григорьевна, жена дяди Сергея, и видит — из куриного зоба выпал кусок жёлтого металла. Взяла на ладонь — тяжёл.

— Муж! — кричит.

Дядя Сергей подошёл, покидал слиток из руки в руку.

— Любопытно,— молвил он.

Сбежались соседи. Нашёлся среди них и рудознавец, заведующий аптекой.

— А ведь это, пожалуй, золото самородное,— сказал он.

Взвесил находку на точных аптекарских весах. Два грамма!

— Давайте испытаем для верности,— предложил.

Опустили слиток на ночь в серную кислоту и туда же для сравнения кинули трёхкопеечную медную монету. К утру от трояка осталась лишь коричневая, тонкая, как бумажка, пластинка, а самородок поблёскивает, и хоть бы что. В весе ничуть не убавился.

— Точно, золото! — подтвердил аптекарь.

Но откуда Пеструшка золото взяла, где заключила? Вздумали было проследить всю её птичью жизнь, да больно стара и у разных хозяев побывала.

Теперь в каждой избе призадумались... А вдруг и их куры с самородками ходят! Самых нетерпеливых одолевала забота выяснить это сейчас же, немедленно. И курицы в деревне начали заметно редеть...

— Праздник у тебя, что ли, какой? — спрашивала с усмешкой Марья Дарью, переступая порог дома.— Больно жаркое пахнет.

— А я иду вчера мимо вас,— не оставалась та в долгу,— чую, пером палёным несёт. Даже во двор заглянула, уж не пожар ли,— многозначительно добавляла Дарья.

Но больше всех неймётся соседке дяди Сергея. Краснощёкая расторопная тётка Фёкла, как её звали на селе, любила торговать на базаре. Осенью с десятков старых кур продала, а сейчас из-за этого потеряла сон.

«Непременно в них золото было,— сокрушалась

она,— как бы сгодилося, давно собираюсь зубы вставить».

Кормит кур, а у самой думка — какую колоть? По одной, по одной, да так всех и переколола. Но в зобах у птиц оказался только песок и обыкновенные камушки, которые они заглатывают, чтобы пищу легче перетирать — вроде жерновов.

— Приподняло бы вас да хлопнуло! — негодовала она на соседей.— Взбаломошили своей Пеструшкой. Покая нет,— уже не известно, в чей адрес сыпались ругательства.

Слух о «золотой» курице дошёл и до геологов. Приехали. Пошли со своими инструментами по соседним сопкам, закрутили буровые станки. И ведь в самом деле нашли золото.

Теперь хоть памятник Пеструшке ставь!

КАЛАН В БЕГАХ

Шёл камчатский январь. На Нерпичьем озере морозы крушили трёхметровый лёд, лопались от холода оголённые скалы-ветроломы. Холод захватывал дыхание. В один из таких дней местный охотник Фёдор Симаков направился проверять капканы, которые поставил на речушке со смешным названием — Пузырь.

Симаков выехал поутру. Собаки ходко тащили нарту, и каюр по северной привычке сочинял песню про удачливый промысел. Запоёт — одной песни на всю дорогу хватит.

Я в капкане найду выдру, выдру.
Аля-ля, а-ля-ля.

Дорогую выдру!
А в другом я найду сиводушку-лису.,
Аля-ля, а-ля-ля.
Сиводушку-лису...

Показался заросший тальником берег речушки. Весь заметённый снегом, на поверхности топорщились лишь обитые пургами верхушки веток. В этом месте, у незамерзающего ключа, стоял первый капкан. Увы, неудача: пружина спущена и капкан пустой.

«Эге! — удивился охотник. — До чего хитра: приманку съела — и до свидания».

Направился к другому капкану — опять та же история. А третьего вовсе найти не смог. Лишь обрывок цепи да след, словно бревном по снегу проехали.

Охотник опешил. Но рассуждать некогда. Он бросился на нарту, гикнул на собак и помчался вдоль загадочной полосы.

Километра через три Симаков нагнал вора. Какой-то зверь, волоча капкан, пытался скрыться, но мешала цепь: запуталась в кустах кедрового стланика.

Охотник осторожно приблизился и остолбенел. Перед ним странный зверь. Лупоглазый и с белой усатой головой. Передние лапы вроде култышек, коротенькие, сзади — длинные нерпичьи ласты.

Но нет, не нерпа. Та пятнистая, а этот с тёмно-бурой гладкой шерстью. И опять же толстый хвост.

«Что за чудо?!» — поразился охотник, разглядывая неожиданную добычу.

Зверь почти не дичился — устал ползти с капканом. Да и разве с такими лапами легко путешествовать по снегу? Накинул на него охотник оленью шкуру, которую обычно стелил себе под бок. Уложил на нарту, притянул ремнями и погнал домой.

Едва успел раздеться, а изба полна народу.

— Прямо диковинный зверь! — удивлялись охотники.

Оказалось, что никто такого не видывал.

Позвонили в районное село. Дескать, так и так, приезжайте, возможно, для музея пригодится.

А гость быстро свыкся с людьми. Ел он рыбу, проявляя замечательный аппетит.

Приехал из района учёный-охотовед. Зашёл в избу К|Симакову.

Зверь, развалившись по-домашнему, лежал в ванне с водой. Он смешно топорщил усы и, по всему было видно, чувствовал себя преотлично.

Рядом стояла хозяйка.

— Только на минуту отвернулась, — пожаловалась она, — а этот тут как тут. Ишь развалился, чистоплюй! Вроде для него воды натаскала. Стирать ведь собиралась, — пояснила она охотоведу.

Но тот не слушал — удивлённо уставился на купальщика.

«Неужели?! — не верил он своим глазам. — Ведь до островов четыре сотни километров. А потом, как ему попасть на сушу, да ещё зимой?..»

— Послушай, ты далеко от морского берега его нашёл? — озабоченно спросил охотовед у хозяина.

— Да так километрах в двадцати.

— Знаешь, кто это?.. Молодой калан.

— Калан!!!

О каланах, легендарно редких морских зверях, в селе слышали, но видеть не приходилось. Жили те далеко, возле острова Медного.

Зверёныш, вероятно, потерялся в море, а потом был выброшен прибоем к устью реки. Тут и попался в капкан.

— Теперь ты, Фёдор, большую премию получишь, — сказал охотовед. — Редкого зверя спас. Кала-

нов на земле всего три тысячи. Охота на них строго-настрого запрещена.

...С первым самолётом калана отправили в Усть-Камчатск, где расположен морской порт. Там его посадили на большой теплоход, который плыл на север.

Зверёныш спал, гулял, купался в ванне и опять спал. Но вот насторожился, забеспокоился. Вдали показалась тёмная полоса — приближалась, росла. Из моря поднялись причудливые востряки сопок.

Резко прозвучал пароходный гудок — и береговые скалы словно взорвались: разлетелись на белые пуховые клочья. Это тысячи крылатых обитателей взвились к небу.

Каланёнок завозился.

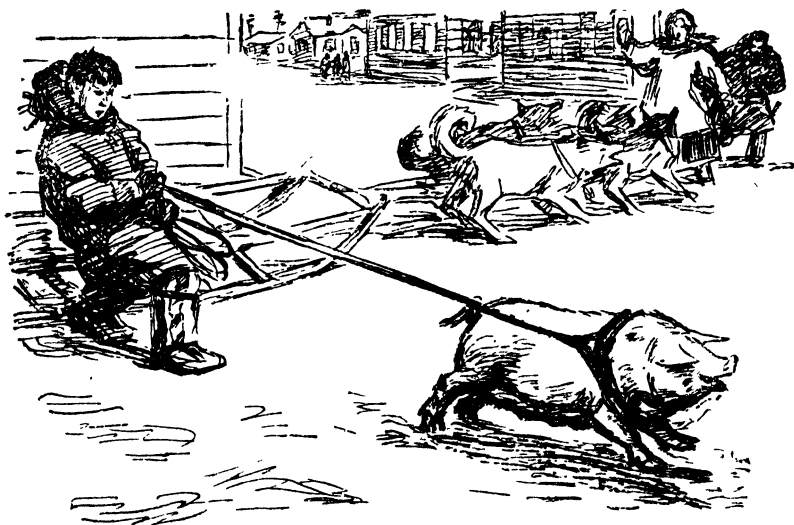
«Что это? Уж очень знакомое... Ну конечно, его дом — остров Медный! Ещё бы, такой шум услышишь только в родных местах».

...Остров Медный на географических картах отмечен всего лишь точкой. Но в Беринговом море он, пожалуй, самый шумный. Весь исходит криком! Здесь разговаривают скалы, усыпанные птичьими базарами, басовито грохочет море, кричат котики, пыхтят морские львы-сивучи, скулят песцы. Всё живое топчется, ползает, летает, отлёживается на узкой прибойной полосе. А дальше — камни, сопки, ущелья, и без единого деревца.

Теплоход остановился на рейде — к лежбищу зверей судам подходить запрещено, — спустили шлюпку.

Когда каланёнка вытолкнули в воду, к нему сразу же подплыли сородичи. Один из них, перевернувшись, положил малыша к себе на грудь, обнял его коротышками-лапами. Возможно, это была мать. А может, и не она: каланы очень ласковы и любят плавать на спине.

Моряки любовались и нажали на вёсла.

А М Т О !

Весна на юге или на севере — всё равно весна. Пришла она и в Олюторскую тундру. Снег сделался иссиня-ноздреватым, осел; затемнели склоны сопок, повывезали на солнцепёках макушки кочек. В низинах появились каюлы — глубокие провалы, наполненные коричневой густой водой...

Спустись с дола к речке Апука-ваям и приложи к урезу берега ухо — услышишь, как под снегом перезваниваются пока невидимые весенние струны — ручьи: тундра оттаивает.

Спешно выбирается к солнцу, взламывая наст, кедровый стланик. Его хвоя, заморённая полугодовым затворничеством, дышит, дышит, наполняя тундру смоляным благоуханием...

Радоваться бы! Но Охкур'го одолевала тоска. Комнаты интерната сделались душными. И бежит он за село, часами простаивает, вглядываясь в далёкие горы О-юю. За ними — тундра и родной дом. И олени...

Четыре года назад отец привёз Охкурго сюда, в Каменское, в интернат. Зашёл к директору, а мальчишку оставил на улице сторожить нарту.

«Как много народу!» — удивлялся Охкурго.

— Здравствуйте! — беспрестанно мотал он головой каждому. И на малахае согласно кивали яркие кисточки из крашенных хвостиков горностая. Для верности добавлял по-корякски:—Амто'!

— Амто! Мэй! — улыбались прохожие.

Все понимали, что этот черноглазый парнишка с оленьим арканом — чаутом — приехал из тундры.

Но вдруг Охкурго остолбенел. Прямо на него бежал какой-то невиданный зверь-коротышка: толстый, белобрый и хвост крючком.

Охкурго сорвал с плеча чаут, широко размахнулся.

Хоп! — ремённая петля опоясала зверя.

«В-з-зжж, взжз!» — заверещал тот, увлекая за собой охотника.

Но Охкурго чаут не выпускает. Да ещё строжится:

— Хыр! Хыр!

Собачья свора подняла лай.

Сбежался народ. А как подойти? Ведь собаки ездовые — разорвут.

— Брось чаут, брось! — кричат. — Это же обыкновенная свинья.

Откуда знать Охкурго, что такое свинья, — в тундре их нет. Все кричат, а малыш удивляется: «Зачем же отпускать добычу?»

На крыльцо выбежал привлечённый шумом отец. Он и выручил «невиданного зверя»...

«Эх, чаут бы да в стадо! — вздохнул Охкурго. — До бригадного стана самое большое — два солнца, два дня. — Мальчишка, присев на корточки, машинально рисовал на снегу маршрут. — Сначала по Апука-ваям, потом свернуть в долину Пиг-ваям. Там наши и кочуют. Сейчас в стаде маленькие олешки появились...»

— Лангенёк, тебе в стадо хочется, а? — Охкурго схватил в охапку небольшого рыжего пса, крутившегося рядом.

Лангенёк подарил отец в память о родном доме, чтобы не скучал по тундре...

Назавтра в интернате была тревога — исчез Охкурго. Пропал и Лангенёк.

Десятилетний парнишка, с раскосыми чёрными глазами и чуть приплюснутым носом, ходко топал по середине реки, по апрельскому насту. Он спешил. На торбасах, как прошлогодняя брусника, мелькал красный бисер. Позади семенил маленький лохматый пёс. Это и были Охкурго с Лангенёком.

Темень наступала на пятки. Внимание привлекла ниточка нартового следа. Охкурго свернул и направился по нему на берег. Нартовому следу можно довериться — это неписанный закон тундры: след всегда ведёт к людям, к жилью.

Заросли кедрового стланика тянулись узкой полосой, за которой сразу начинался распадок.

Лангенёк внезапно остановился и, задрав голову, стал принюхиваться. Его острые уши поднялись.

Насторожился и Охкурго, но тут же решил: «Наверное, куропатки».

«Гав-гав-гав!» — залился щенок. Потопал лапами, но не сделал и шагу.

Запылал смолистый кедр, и в его пламени все страхи словно сгорели.

«Не волк ли.^» — похолодел Охкурго.

— Молчи! — прикрикнул на собаку и огляделся.

«Разжечь костёр, тогда уж никто не подойдёт». Охкурго начал торопливо ломать ветки стланика.

Запылал смолистый кедрач, и в его пламени все страхи словно сгорели.

Парень достал из котомки котелок и набрал снега на чай. В ожидании ужина принялся сушить торбаса и чижи — носки, сшитые из мягковыведанного оленьего меха.

Охкурго решил отправиться в бригаду к отцу. За день прошёл почти треть пути. Впрочем, расстояние его особенно и не волновало. Уже не раз, в пору летних кочёвок, приходилось топать с родителями по тридцать — сорок километров. Дадут утром кусок оленьего мяса да кружку сладкого чая с галетами — и всё, больше не проси до самого привала. А привал — когда солнце закатится!..

Охкурго, полужёжа на мягкой пахучей хвое, клевал носом. С каждым разом кланялся ниже и ниже.

...Он увидел себя в керкере рядом с отцом, Длинным Лынкиным, как его зовут в бригаде за высокий рост. У Лынкина на руках белоухий оленёнок, а Охкурго несёт мелкокалиберную винтовку.

«...Убежал без спросу на охоту, а олешка одного оставил, — выговаривает отец. — Как ты мог?! А если бы он замёрз или ворон заклевал?..»

«Уйнэ!» — отвечает Охкурго и потрясает малопулькой.

«Что, застрелил бы?»

«И застрелил, — думает Охкурго. — Будто отец не знает, что он и куропаток и уток бил. Нет, не дал бы олешка в обиду». И мальчик вдруг ощутил мягкую мордашку оленёнка, трущуюся о ладонь. Хотел прижать к себе.

«Ф-ру, ф-ру!» — отстранился Лангенёк. Это его обнял Охкурго вместо приснившегося оленёнка.

Мальчик открыл глаза. Поёжился от холода, огляделся.

Рассвет покрывал тёмно-голубым маревом востряки гор О-юю, потом опустился на сопки, на увалы. С каждой такой горной ступенькой его синева блёкла. Поток тусклого света пролился вниз, в русло Апуки-ваям, растекаясь по всей долине.

В костре еле светились головешки. Слабый ветер шевелил хлопья пепла.

Лангенёк сидел, растопырив толстые лапы, и к чему-то прислушивался. Увидев, что хозяин поднялся, он сразу осмелел, тявкнул и побежал по нартовому следу.

— Куда?! — припустился за ним Охкурго.

Десяток шагов — и перед глазами, в кедраче, выросла огромная бурая туша.

«Медведь!» — Смуглые скулы Охкурго побледнели. Он кинулся обратно к костру.

«Р-рр, р-р-рр, гав-гав!» — разносилось в кустах.

«Лангенёк! Пропадёшь!» Охкурго выхватил из костра длинную тлевшую головешку и, держа её на изготовку, решительно направился к медведю.

— Лангенёк, Лангенёк, — шёпотом поманил пса.

Но собака, вместо того чтобы повернуть, рьяно набросилась на зверя и, рыкнув, вспрыгнула на его спину.

— Ой! — Охкурго невольно втянул голову в плечи «зажмурился».

Собака продолжала заливаться.

Охкурго чуть размежил веки.

Зверь лежал в прежней позе, уткнувшись головой в сугроб по самую шею.

«Что с ним? Неужели так крепко спит?» — недо-

умевал парень. Он ещё раз осторожно обошёл медведя. Мелькнула догадка: «А может, убит?..» Приблизился и сунул головешкой в лохматый бок.

Запахло палёным. А медведь не шелохнулся...

— Убитый!.. Убитый! — Охкурго с радости закружился.— Нартовый след-то, значит, охотник оставил...

Мальчик вытащил нож и, надрезав шкуру, отхватил кусок мяса. Понёс к костру.

Позавтракали крепко. У щенка от сытости живот как барабан.

— Ну, Лангенёк, в путь?

Пёс, поняв слова хозяина, встал, потянулся, вильнул хвостом.

Выбравшись из распадка, путешественники оказались на голой тундре.

Охкурго тревожило небо. Оно на горизонте стало каким-то стеклянным. Такое обычно предвещает перемену погоды. Да и ветер другой — восточный, с Берингова моря.

...Под ногами потекла позёмка. Горы, которые ещё полчаса назад чётко выделялись на небосклоне, сделались изжелта-меловыми и быстро теряли свои очертания.

«Идти ли дальше? — заколебался Охкурго.— Как бы не заблудиться. Нет, лучше назад, к медведю!»

Хорошо сказать — назад...

Струи снега загустели, с шумом неслись по насту. Там, где попадались увалы, на поворотах плясали белые кручёные столбы. Через час от весны не осталось и следа. Пурга распустила свои седые лохмы. Её голос, визгливый, скандальный, крепчал, а руки становились длиннее и швыряли в лицо пригоршни жёсткого, как песок, снега.

Охкурго надвинул малахай, укрыл лоб и щёки.

«Только бы не сбиться. Надо держаться против ветра». Мальчик почти ложился на упругую живую массу, пробивая её всем телом.

— Куда лезешь? — оттолкнул путавшегося под ногами щенка.

Тот кувыркнулся и сразу же исчез в метели.

— Лангенёк, Лангенёк! — перепугался Охкурго, вслепую хватая воздух.

Лангенёк нашёлся, снова прижался к ногам. Охкурго достал из котомки взятый на всякий случай ремешок из лохтачьей кожи и ощупью завязал его на ошейнике.

«Теперь уж не растеряемся...»

Вот и заросли кедрача. Где же медведь?

Охкурго петлял, лез сквозь пружинистую сеть из перекрученных липких сучьев, проваливался в сугробах. Он устал, обливался потом, но и не думал отдыхать. Усядешься — потянет на сон, и больше не встанешь. На бровях и ресницах настыли ледяшки — глаза не раздирались. Да и сколько ни таращи их, всё равно не отличишь, где бугор с медведем, а где занесённый куст.

«Может, Лангенёк?!» Охкурго присел, ласково обнял щенка и, поднеся к носу котомку с медвежатиной, приказал:

— Ищи, ищи!

Лангенёк и так уж искал. В нём — северянин — пурга пробудила следопыта.

«Гав-гав!» — заметил он на возвышенности отпечаток нартового следа, рифлёный, выведенный ударами позёмки.

«Верно держимся», — обрадовался Охкурго.

Лангенёк закружился. Взывая, он трижды возвращался к следу и вдруг, нырнув в сугроб, заработал изо всех сил лапами и мордой.

Показалась бурая шерсть.

— Вот ты где? — Охкурго бросился на помощь.

Скорей, скорей зарыться в снег, уйти от ветра!..

Пещеру устроили прямо под медведем. Забрались поглубже и закрыли котомкой вход.

«Теперь не страшно: мяса вдоволь и в укрытии». Охкурго обнял щенка. Он подоткнул концы кухлянки, втянул руки внутрь широких рукавов и, свернувшись калачиком, вскоре сладко засопел.

Прошли сутки. Путешественники доели взятую с собой буханку хлеба, закусывая сырой мороженой медвежатиной. Охкурго нарезал её тончайшими стружками и чуть подсаливал. Получилось дорожное северное блюдо — строганина. Вместо чая — снег. О костре не приходилось и думать: из пещеры и носа не высунешь. Даже через толстый слой снега доносился голос задурившей стихии.

...Весенние пурги коротки, а эта затянулась. Сно-ва спали, разговаривали, ели и, конечно, ждали. Ждали, когда она утихнет — непогодь. Кухлянка хоть и сшита из двойной оленьей skóry — мехом внутрь и наружу, — но холод всё равно пробирал. Лангенёк тоже мёрз. Поскуливая, он жался к хозяину.

Надоела темень. И не встать, не повернуться. А вверху всё воет и воет... Время будто остановилось.

Однажды, проснувшись, Охкурго не мог понять — ночь или день. И тихо. Он испугался.

«Неужели так занесло! Не вылезти. Задохнёмся!» Судорожно принялся пробивать снеговую стену...

Брызнул яркий свет — и Охкурго обмяк.

Лангенёк прыжком врезался в пролом и выскочил наружу.

Охкурго выпрямился. Вот как — по шею в сугробе. А над ним весь мир — светлый, сияющий, огромный.

Он медленно поднял руки и, откинув малахай, поставил солнцу цвета вороного крыла волосы...

— Однако, отпуржило,— сказал, точно как отец.— Почаевать бы...

Взобравшись на спину медведя, Охкурго осмотрелся. Где же кедрач? Ни кустика... Там, где раньше чернела заросль,— рыхлые волнистые гребни.

Он шагнул и тут же провалился. Попробовал ещё — и опять по шею. Следом, взывая, лез Лангенёк.

«Как же теперь добираться до бригады?» Охкурго и про чай забыл. Сел в сугроб и уткнулся головой в колени.

Жалобно заскулил Лангенёк и полез мордой в лицо. Охкурго обнял собаку.

— Ну что ты, что? — Ему стало жаль пса больше, чем самого себя.— А ты не бойся,— успокаивал он четвероногого товарища.

И вдруг Охкурго встrepенулcя: «А медведь?! За ним же вернутся... Не ради баловства убили. Туша даже не укрыта. Значит, скоро приедут!..»

От сердца отлегло.

Охкурго по-хозяйски пересчитал спички и упрятал их в кожаный мешочек, прикреплённый на поясе рядом с ножом. Потряс котомку — ни крошки хлеба, ни соли.

«Ничего, с медвежьим мясом жить можно», — утешился.

И верно, медведь кормил исправно...

Миновали ещё сутки, и ещё. Снова начало одолевать беспокойство. Оно нарастало. Дни сделались бесконечно длинными. Хотелось плакать...

«Вернётся охотник, обязательно вернётся, — убеждал себя Охкурго.— Наверное, ждёт наст, чтобы ехать легче».

Спички кончились. Страшно потерять огонь! Зверьё может прийти на запах мяса...

Теперь у Охкурго появилась новая забота — поддерживать костёр. День и ночь! Он собственным телом пробил в снегу траншею к кедрачу и готовил, готовил дрова. Много же их надо! Но без этой заботы было бы ещё хуже: работа гонит тяжёлые мысли и кортит время...

На седьмые сутки издали донёсся лай.

У Охкурго дрогнуло сердце. Он встал, вглядываясь в сверкающую даль тундры.

«Да, да, это собаки!» И мальчишка побежал навстречу упряжке.

— Акко! — опешил пожилой коряк, поднимаясь с нарты.

Он разглядывал почерневшее от холода и копоти лицо Охкурго и, цокая языком от удивления, внимательно слушал его рассказ.

— Молодец! — похвалил он. — Настоящий мужчина.

Лангенёк, лая и кружась, виляя хвостом, видно, тоже рассказывал своре на своём собачьем языке об испытанных им мытарствах. Суровые малообщительные псы терпеливо сносили его суетность. Наконец Лангенёк замолчал и, высунув от удовольствия язык, улёгся среди них как равный,

ПИНГВИН - ФУТБОЛИСТ

К Мирному дизель-электроход «Уэлен» подошёл в январе, то есть в разгар лета. В Южном полушарии все времена года наоборот. Солнце кружилось вокруг корабля день и ночь. Порой температура поднималась до пятнадцати градусов. И, хотя вокруг по-прежнему лежал снег да лёд, люди загорали до пузырей на теле. Особенно часто вздувались губы. На лицо приходилось надевать предохранитель из марли.

«Уэлен» привёз для зимовщиков научное оборудование и продукты. Пришвартовался к ледяному припаю. До Мирного ещё оставалось километров двадцать по суше. Нагрузили сани, прицепили трактор, — и поезд отправился к посёлку.

Пока рейс туда да обратно — время тянется медленно.

«Чем заняться?» — гадали моряки, собравшись на верхней палубе.

Вдруг у одного матроса слетела с головы шапка. Её ногой подбросил сосед, а там, смеясь, подхватил другой, третий...

— Стой, ребята! — закричал моторист из машинного. — Что, если футбол устроить?!

Одни посмотрели на него с недоумением, другие насторожённо. Все знали, что это заядлый футболист — вратарь, но к тому же и неутомимый шутник.

— Посмотрите, — развёл он руками, — чем не поле: припай ровный, ни одного тороса.

— Давайте!

— Верно!

Кто-то даже крикнул «ура». На корабле почти все увлекались футболом. Палубная и машинная команда — давнишние соперники. Да и поразмяться хорошо. Ведь рейс из Ленинграда в Антарктику — целый месяц.

Через какие-то полчаса всё было как надо: команда в бутсах, в полосатых гетрах и широких трусах. И, само собой разумеется, — цветные майки... поверх свитеров. У палубников — жёлтые, у машинистов — красные. Вратари одеты потеплее, а ноги — в бурках.

Установили ворота, вбив в лёд доски, наметили углы.

Вышел судья с настоящим судейским свистком. Покрутил мяч — он у моряков «Уэлена» всегда при себе, в какое бы плавание ни отправлялись.

— Игра!

Тут-то и началось... В этих местах живёт большая колония пингвинов-аделей. Они несколько меньше

Смешно растопырив куцые крылья, пингвины с криком
гонялись за мячом.

обычных, так называемых императорских, но отличаются самостоятельностью.

Когда футболисты начали с шумом гонять мяч, пингвины, которые с серьёзным видом занимались собственными делами, повернулись, как по команде, к полю.

Они чинно стояли в своих чёрных фраках, ослепительно-белых манишках и недоумённо поводили клювами. Ну, в самом деле, с чего это люди носятся сломя голову за каким-то круглым камнем!

Смотрели, смотрели и вдруг, забеспокоившись, гуськом побежали на игроков. Поле мигом оказалось окружённым зрителями, словно на настоящем стадионе. Крылатые «болельщики», как и все истые зрители спортивных игр, принялись галдеть, хлопать культиками крыльев и крутить головами.

Мяч угодил по одному из пингвинов. Тот вознегодовал — и за ним. Подбежал вратарь. Но пингвин, спрятав под себя мяч, начал клеваться. Едва отобрали.

— Вот тебе и напарник. Лихой! — смеялись моряки.

Вратарь промолчал. Он был недоволен поединком. Птица изловчилась и больнохватила его.

Казалось, порядок наведён. Но не тут-то было. Самозванец-вратарь не пожелал терять добычу. Оправившись, он поспешно заковылял на поле. За ним двинулись и сородичи. Птицы заполонили площадку. Смешно растопырив куцые крылья, они с криком гонялись за мячом, который, отскакивая, бил их в грудь, в спину, в голову... Для азартных игроков всё нипочём! Они старались удержать мяч клювом и ногами. С разбегу шлёпались на него, катились по снегу, скользя торпедой, — грудь-то смазана жиром.

Сначала это выглядело забавно. Футболисты ве-

село смеялись. Но птичьему натиску не было видно конца. Игроки, обозлившись, начали легонько отбиваться. Не растерялись и пингвины — пустили в ход острые клювы.

Свалка из людей и птиц выбила из сил судью. Он дал сигнал — конец тайма.

Теперь всё получилось наоборот. По полю, парадно выпятив белые груди, семенили пернатые спортсмены, а зрителями поневоле стали бывшие хозяева поля...

Матч так и закончился без единого гола. Футболистами пингвины оказались неважными,

СОДЕРЖАНИЕ

Молочный рейс	3
Без камчатского паспорта	10
Как Ипполукен стал взрослым	15
Случай на вулкане.	21
Курица с секретом.	25
Калан в бегах	28
Амто!.	32
Пингвин-футболист.	43

Дорогие ребята!

*Издательство просит отзывы об этой
книге присылать по адресу: Москва,
А-47, ул. Горького, 43. Дом детской
книги.*

Для младшего школьного возраста

Харитановский Александр Александрович

МОЛОЧНЫЙ РЕЙС

Огветств. редактор Л. Г. Тихомирова. Художеств. редактор Г. Ф. Ордынский. Техни-
ческий редактор С. Г. Маркович. Корректоры Л. И. Гусева и Э. Н. Сизова.
Сдано в набор 12/X 1965 г. Подписано к печати 20/XII 1965 г. Формат 60х84/...
Печ. л. 3. Усл. печ. л. 2,8. (Уч.-изд. л. 1,93). Тираж 100 000 экз. ТП 1966 № 249.
Цена 7 коп. Издательство «Детская литература». Москва, М Черкасский пер., 1.
Фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета
Совета Министров РСФСР по печати. Москва, Сущевский вал, 49. Заказ № 3073.

Цена 7 коп.

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

В издательстве «Детская литература»
в 1966 году выходят следующие книги:

Алвксин А. В СТРАНЕ ВЕЧНЫХ КАНИКУЛ.

Весёлая повесть-сказка о приключениях пятиклассника, попавшего в Страну Вечных Каникул.

Бвлянинов А. МНОГО ДНЕЙ ВПЕРЕДИ.

В книгу входят две повести: «Много дней впереди» — о маленьком москвиче, уехавшем в далёкий якутский посёлок, и «Мальчики» — о двух братьях, об их жизни в годы войны.

Воснрвсенная З. АНТОШКА.

Повесть о советской девочке, которая во время Великой Отечественной войны жила с родителями в Швеции.

Зверев М. ЗОЛОТОЙ САЙГАК.

Повести и рассказы. Автор, известный писатель-натуралист, рассказывает о редких случаях из жизни животных, населяющих степи, горы и пустыни Казахстана.

Нечаев Ю. В ОТКРЫТОМ МОРЕ.

Рассказы о мальчишках, живущих в Заполярье, о том, как они ходят со взрослыми на морской промысел, пасут оленей, мужественно преодолевают разные трудности.

ЭТИ КНИГИ ПО МЕРЕ ВЫХОДА ИХ В СВЕТ МОЖНО ПРИОБРЕСТИ
В МАГАЗИНАХ КНИГОТОРГА И ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ.
КНИГИ ВЫСЫЛАЮТСЯ ПО ПОЧТЕ НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ ОТ-
ДЕЛОМ „КНИГА - ПОЧТОЙ“ ОБЛАСТНЫХ, КРАЕВЫХ И РЕСПУБЛИ-
КАНСКИХ КНИГОТОРГОВ.